

Всем взыскующим славы

*Рассказ завершен, исполнен куплет,
Покойник сожжен, клад спрятан монет,
Погаснет огонь — и стужа вослед,
Отважных таких на свете уж нет.*

«Песня одинокой девушки»
(из «Саги кровавого инея»)

*Это история о героях,
о Несущих Милосердие и ведьмах,
о болотах и Мерроу,
о тростнике и шипах,
о женщинах и гигантах,
о храбрости и дружбе,
о той эпохе, что заканчивается,
и той, что вот-вот начнется.*

Эска Рот, ярл Голубого Ви.
Из поэмы
«Сестры последнего милосердия»

*Я же стяжаю
победу ...
или погибну!*
«Беовульф» (пер. В. Тихомирова)

ВЕДЬМЫ

ОДИН

Говорят, перед смертью человека одолевает жажда, так что всем нашим подопечным мы всегда даем напоследок напиток.

Я достала из кармана флягу с вайтом из черной смородины, вытащила пробку и сунула горлышко ей в рот.

— Давай же, — сказала я. — Пей, лапушка.

Она сделала приличный глоток. Я отвела фляжку и стерла капельку с ее губ. Губы под моими пальцами были теплыми и пухлыми, точно красная слива, сорванная с ветки на исходе августовского дня. Всех наших подопечных я зову лапушками. Даже бородатых силачей с каменными бицепсами на ручищах и законченных негодяев с холодными бесчувственными сердцами и засохшей под ногтями кровью. Все они для меня — лапушки.

С ног до головы она была облачена в темный шелк. Слегка колеблясь в потоках воздуха, ткань

подчеркивала ее формы и была такой нежной, таким невесомой, будто соткали ее из нежных летних ветерков. Мне хотелось коснуться шелка. Мне хотелось надеть его. Наши плотные одежды из шерсти, меха и кожи, какие носили все в Ворсе, хорошо сохраняли тепло, но ни глаза, ни тела не радовали.

Руна, тоже разглядывавшая ее одежду, произнесла:

— Ты — из Ибера.

Женщина кивнула.

— Я выросла среди белых песков, а не среди снегов. Солнце там сияет ярко, а у женщин по жилам струится огонь.

Она сама наняла нас. Она желала смерти. Ее муж, ее дети — все умерли от болезни. Как ее занесло в темную, бревенчатую хижину с крышей из дерна на дальнем конце Черного Елового Леса, я понятия не имела.

Женщина в шелках была высокой — выше меня и даже выше Руны. У нее были темно-карие глаза и заостренные, точно у эльфов из ворсийских сказок, уши. Я протянула ей флягу, и она сделала еще глоток вайта, а затем сунула мне в руку золотую монету.

— Как твое имя? — спросила она.

— Фрей, — ответила я, но ее имени не спросила.

Со вздохом опустив нежную руку мне на плечо, она прижалась ко мне. Я аккуратно откинула

черные волосы с ее щеки. Волосы были тяжелые и пахли югом, а еще мирром и ладаном.

— Мы сделаем все быстро, лапушка, — заверила ее я. — Как и обещали.

Она взглянула на меня, и на устах ее мелькнула печальная улыбка.

Я сделала жест Ови, стоявшей у холодного очага, и та приблизилась — упруго и мягко, точно вышедший на охоту снежный кот. Джунипер, наша Морская Ведьма, принялась молиться на груди шкур и тряпья в углу. Тригв стоял со мною рядом, а Руна наблюдала за нами, привалившись спиной к дверному косяку.

Ови протянула мне свой нож — лучше и острее моего. Я приняла клинок и перерезала женщине горло. Вспышка острого серебра, и дело сделано. Она до самого конца смотрела мне в глаза, так ни разу и не взглянув на нож. Я опустила ее на пол.

Закончив молитву, к нам подошла Джунипер. Положила голову на грудь подопечной, и волосы ее разметались. Волосы у Джунипер были светлые, с проседью, и, как и у всех ведьм из Мерроу, отливали жемчужным блеском.

Мы ждали. Дыхание подопечной угасало. Все медленней, слабее и, наконец, прервалось вовсе. Прервалось навечно.

— Держу пари, в юности она была неистойвой. — Я закрыла веки покойной большим пальцем. — Неистойвой, как солнце Ибера. Хотелось бы знать, как ее занесло сюда, на холодный север...

Руна пронзила меня взглядом.

Она часто говорила, что думать о наших подопечных после смерти опасно. И что мои мысли об их жизни и о превратностях их судеб накликают на меня беду или ослабят меня.

Сама Руна слабой не была. Она вполне могла бы покинуть нас и, собрав новую группу Дарующих Милосердие, возглавить ее. Однажды я поделилась этими мыслями с Джунипер, но та, пожав плечами, возразила, что вождю кроме силы нужно еще и воображение.

Руна отправилась обследовать пустой холодный дом. Я знала, что ищет она одежду, пищу и оружие. Я перехватила ее в темном коридоре перед завешенным старыми медвежьими шкурами дверным проемом, ведущим в еще более темную, мрачную комнату.

Руна частенько забирала простые полезные вещи у наших подопечных. Так в ее заплечном мешке появились моток прочной пеньковой веревки, лоскуты кожи, металлические крючки, пузырьки со снадобьями. Руна всегда поступала так, как ей было угодно, и я ее за это уважала, но сейчас не собиралась потакать ее склонностям.

— Оставь все как есть, Руна. Дело сделано — пора убираться.

Она поджала губы, взглянула на меня, а затем заговорила:

— Здесь могут быть спрятаны ценности... Сокровище с юга... Быть может, даже пустынный

жемчуг. Продав его, у нас хватило бы золота, чтобы сесть на корабль и...

— *Нет.* — Голос Ови отозвался в коридоре гулким эхом. — Мы не крадем. Оставь ее вещи в покое, Руна.

Рядом с Ови стояли Тригв и Джунипер. У Тригва вид был самый решительный, в то время как Джунипер, очевидно, вовсю боролась с собой. Ее воровские повадки все еще давали о себе знать, но, несомненно, она отлично помнила многократно повторенные Сигги слова о том, что боги всегда наблюдают за нами, и что они непременно накажут Воительниц Милосердия, вздумай те взять у своих подопечных хоть что-нибудь, кроме оговоренных в качестве платы монет.

Но воровство воровству рознь, и, прежде чем уйти, ножом Ови я срезала локон с головы женщины из Ибера.

Она не хотела, чтобы ее тело сожгли. Она просила нас, открыв настежь входную дверь, оставить ее в хижине на опушке леса, и ночью, несомненно, дело закончат волки.

— Так поступают в Ибере, — сообщил Тригв. — Я об этом читал.

Уйти прочь, оставив тело женщины на растерзание диким зверям, было тяжело. Я предпочла бы предать тело огню и отпустить душу южанки воспарить к Холхалле. Или, на худой конец, похоронить ее в земле, как это принято у жителей Элша.